

“друзей у него настоящих не было”

Только после фильма «На Дерибасовской хорошая погода...» Леонид Гайдай был признан классиком советского кино
Фото: ИТАР-ТАСС

Окончание. Начало на странице 01

С Гайдаем я познакомился на студии — мы вместе работали, служили на «Мосфильме», даже были в одном творческом объединении, но наши судьбы не соприкасались в работе, потому что казалось, что очень разные пристрастия. И тем не менее, когда он мне предложил работать на «Двенадцати стульях», которые он начинал, я с радостью согласился. По многим причинам — во-первых, очень близкий мне был материал, я бесконечно люблю Волгу, а как известно, она там — одно из действующих лиц, притом активно действующих; во-вторых, я, как и многие люди моего поколения, очень любил этот роман. Сейчас это невозможно представить — диапазон информации расширился так, что все острые моменты «Двенадцати стульев» кажутся невинными шалостями. Тогда же все казалось откровением. Цитировать роман было модно, все молодые люди того времени щеголяли знанием целых кусков. Так что я согласился, и это было началом нашего активного сотрудничества: мы сделали подряд четыре картины, чего я даже не мог предполагать, поскольку уже заканчивал свою кинематографическую деятельность навсегда.

С Гайдаем было работать легко. Он прекрасно знал свое дело. Я сейчас вспоминаю, как я всякий раз восхищался, когда он импровизируя находил смешное. Какие-то случайные детали вырастали в целые эпизоды. Это случилось на каждом шагу, повсеместно. Чудо рождалось на глазах. Хотя он всегда был подкован — приходил на съемочную площадку, твердо зная, что собирается сделать. В творческом процессе есть и обратная сторона — секрет успеха в том, чтобы не мешать друг другу. Так было в группе Гайдая. «Двенадцать стульев» снимал прекрасный оператор Сергей Полуянов, потом его заменил Валерий Шувалов, и мы все делали то, что успешно называется изобразительной стороной фильма. Делали слаженно и легко. Гайдай давал нам абсолютную свободу действий. Конфликтов никогда не было. С актерами в том числе — а ведь часто на съемках они доходят до неприличных форм. Несогласие, споры — их не возникало у Гайдая. Страсти улегались рано и в нужном месте.

Я прекрасно вспоминаю разгромный совет по фильму «Трижды воскресший» по сценарию Галича. Там Гайдай пытался доказать, что может «как все», а это вообще порочная установка в искусстве: настоящее искусство

рождается там, где «как никто». После у него наступила тяжелая пора, а потом он сделал фильм, который сейчас стал классикой, — «Гес Барбос и необыкновенный кросс». Ему очень добрый к творческим работникам человек, Иван Пырьев, который был тогда директором студии, придумал эту маленькую комедию, и Гайдай тут же обрел свое лицо, стал создавать одну за другой свои лучшие вещи — в том числе то, что мы делали вместе. Гайдай рано понял, что он может, а что нет, и после «Трижды воскресшего» все встало на свои места. Все знают, что лучшие комедиографы в жизни мрачноватые люди. Чарли Чаплин был таким. Гайдай был мрачноватым в жизни, и это какой-то фокус психологии: все, что рождалось в нем смешного, это дар Божий. Как в Одессе говорят: «Талант как деньги — или есть, или нету». Так вот, у него был этот дар. Может, он мог бы раскрыться и раньше, а может, и нет — всему приходит свое время. Меня он научил именно легкости. Чтобы делать серьезную работу, необязательно нужен надрыз — что-то серьезное поддается просто. Этим свойством обладал и он сам, я подстраивался под него. Хотя у самого какое-то чувство горечи всегда присутствовало, как мне кажется.

Нетворческое общение у нас сводилось в основном к застолью. В этом деле он тоже был профессионалом. Умел хорошо есть и пить, это сопровождалось длинными разговорами. Никаких переборов и эксцессов не было. Он был настолько сосредоточен... Круг его интересов мне непонятен до сих пор. Думаю, это и есть высшее проявление таланта: он был весь сосредоточен на одном, что он умел делать. Все разговоры за столом были связаны с нашей общей деятельностью. Я не помню, чтобы он говорил о чем-либо вне связи с работой. У меня было такое ощущение, что его мало интересовало все, что творится вокруг. Он был человек вроде бы общительный, но был всегда сам по себе. В высоком понимании этого слова, думаю, что друзей у него настоящих не было. По крайней мере, я не могу назвать ни одного имени... может быть, Полуянов был его подлинным другом. У Пастернака есть прекрасные строчки: «И нужно ни единой долькой / Не отступать от лица. / Но быть живым, живым и только. / Живым и только — до конца». Признак настоящего человека. Это можно сказать и о Гайдае. Сейчас часто возникает проблема имиджа, «как создать имидж». Для Гайдая ее не существовало. Он был такой, какой он был. В этом его преимущество.